

ДАЛИ

← АВТОБНОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

5. Ах, вы, кони, мои кони

(начало в № 97, 98, 100, 104, 105)

СЧАСТАЛИЯ ЖИЗНЬ, особенно крестьянская, тем и хороша, что она дает возможность постоянно общаться с природой, с ее живыми обитателями.

В предыдущих очерках вы в какой-то мере ознакомились с нашей неброской таежной красотой и богатствами тех мест. Но я помню и послушную, что всяк кулик хвалит свое болото.

Теперь, полагаю, самое время поведать о братьях наших меньших, как мы снисходительно называем животных.

С чего начать? Может быть, лучше всего с коней, этих удивительно умных, красивых и трудолюбивых, в руках людей, созданий.

Я не стану распространяться о родословной лошадей, о их породах и стадах. Обо всем этом можно узнать из специальной литературы.

Думая о лошадях, в всякий раз вижу перед собой коня, работу, который задолго до появления машин и механизмов был одним из первых и верных друзей человека, служил ему многое, может быть, тысячелетия. Он помогал обрабатывать землю, защищать Родину от врагов, совершать близкие и далекие путешествия. Были во время, например, татаро-монгольского нашествия и советские танкисты и зенитчики, везущие целых контингентов. Но тут вина коня меньше всего.

Я застал в детстве еще время, когда без лошадей в колхозе никак не могли обойтись. На нем пахали, севали, боронови, молотили, возили разные грузы. А что тут такого, если единственная тракторщина была лишь в соседнем колхозе, а в нашем «Труженике» ее видели только издали да на картинках.

Когда мой приемный отец Яков Савельевич Новопащин, отслужив в Армии в 20-х годах, вернулся домой, то первым его желанием, после женитьбы, было обзавестись конем. И он его заимел. Даже двух. Справных, красивых, сильных. Но при вступлении в колхоз ему пришлось их отвести на общественную конюшню. И как бы не старался Яков, даже переядя в конюху, спасти своих любимцев, но их так и заездили, погубили. Отец часто об этом вспоминал. Инте-

реса к этим животным он не утрачивал никогда. В войну был повозничим, подвозил к передовой на трофейных немецких бронемашинах, а то и на наших родимых российских лошадках, снаряды. Там его и контузило. Вернувшись в 1945 году домой, он снова пошел конюшник.

Для нас, мальчишек, кони были таким же явлением, как восход солнца. Сразу же после окончания учебы они были к нашим услугам. Мы ездили на них, запрягая их в орудия (способные для вывозки навоза на поля). Потом на лугу, верхом усевшись на своих любимцев, возили колны, гребли сено. А борноба, вояка разного рода грузов! Мы и там были не последние. Помню, мать возила почту. И я нередко ее заменял, хотя вообще, наверное, делать было это не положено. Но мы выросли в те годы, и на нас надежды не было. И я постарше, пахали, на лугу косил на тракторе. И все это с помощью лошадей.

Кони у нас были разные: улитки и вездеходы, выносливые и быстрые, и те, о добросовестно тянул сено, до как бы ни была тяжела эта поклажа. У каждого козла была своя клычка, которая, в немалой степени, характеризовала его. Вспоминаю Бурку-скауну. Поимать его в загоне, не говоря уже о поле, было трудно. Ну, не давался — и все! А чересчур настойчивых он мог и лягнуть. А вы знаете, что такое дар конюхе лошади! Не советую его испытывать. Он может быть смертельным.

Рассказываю, что один человек поселил не у нас в деревне, а в близком жеребце, привезя его издалека целым-то глотком. Потом изверг худого уехав и, опять вернувшись, зашел в конюшню. Жеребец, узнав его, выломал обиды, и затаясь за грудки в свою стайку, буквально истоптал его ноги. Огонь не к лошади, а на Даях тоже было разное, и наиболее жестокие кони и кусали и лагали, но до смертельного случая дело не дошло.

Большая часть наших лошадей были смиренные труженицы, местно выполняющие свой долг перед человеком, хотя, бывало, от них оставались от большой работы кожа да кости.

Но вернемся, однако, к

Бурку-скауну, который от этого был избалован, так как избегал работы. Ловили таких, как он, лазаю по забору. Но Бурка-скаун, если только на него падала даже веревка, становился как виолончель. Там его и ловили. Но это было явление довольно редкое. Если его все-таки как-то удавалось пригнать в загон, то чаще всего он прыгал через него и убежал. Но колы попадал в работу, воз тащил добросовестно, но до обеда. Как только вытаскивали лошадей на кормление, потом на водопой, Бурку этого поминать как звали: ударил. Потому те, кто на нем пахал, бороновили, зная его нрав, всегда старались кормить его прямо на конюшне, накрелко, кроме уздай, повязав веревкой за шею или надев еще и недоузок. А поили его уж, как умели. Сядешь на него — и на Озеро, а потом запрягаешь в телегу, а плуг — вперед.

А как не вспомнить небольшого, но крепенького бороника, огромную добродушную булануху, которая обычно приносила крупных, выносливых жеребят. А Рыжко боскостый! О нем тоже стоит холь немного. Да рассказать, а заодно и о том, как мужика чуть из-за него не посадили в тюрьму. Возил он на Рыжке с фермы на маслозавод молоко. И вот однажды, кажется у Трусского мостика — по дороге из Дали в Загазавку — телега застряла на завобок еще принахлесте в колдобину. И Флегм, одна за другой скликаясь в грязь и в воду, дело было по нежле, молчило быть, и слышно, угорбачило не берется.

Хозяин телеги мисел вычуд. Он стал брызгать в эти самые дыры, да из-за душой и хвоста Рыжко и вслабачивать. Не более суток ждал. В один из таких приемов коня и записали одной из главных работ и средства отмахивать от гниуса, когю у нас, чего греха таить, в болотно-таежной стороне бывает в теплые времена года более чем пригустотачно. Так и запомнился этот конек, у рипицы которого вместо хвоста болталась, какие-то мажине остана. Сидко тогда, как говорят, птасталки, пластали. Да опустили: молкосте он не провадил, все время на маслозавод привез. А его мерник. Ну не приделывай же ему малочальный хвост. Так и жил. И надо сказать, хоть и ленивым был, но уж трудага, каких было еще посылать.

ВСЕ ТАКИ ЯРЧЕ всего вспоминается мне Гусар. Это был поистине красавец-жеребец с атласной шкурой, которая так и отливала на свету, не солнце. В его заботы входило огуливать кобылиц, что он и делал весьма добросовестно. Бывало, колы на лугу повялялся какой-нибудь соперник, то наш Гусар неизменно выходил победителем.

что могу засвидетельствовать как очевидец. А какие лошади рождались от его общения с нашими колхозными кобылами! То же одна к одной, даже соседки из других деревень завидовали.

Но годы шли. И укатили Гусара крутые горки.

Последний раз я увидел Гусара (неамоложенного, как многие его соплеменники) у забора того же маслозавода. Я огкнул ч.ч. глеребце поднял голову от травы, небольшой чучкою лежащей около его морды. И снова опустил голову. Седло съезжало у него на шею, хомут вот-вот готов уползть с головами. Я поправил седло, подтянул спонь. Найдя в кармане случайно завалывающуюся корочку хлеба, пододержал. Он неохотно взял ее мягкими губами, начал перекатывать в беззубом рту. В этом старом коне со свалывающей шерстью и заметными ударами хлеста по бокам, с распухшими ногами трудно было узнать покорителя кобылиных сердец.

Гусар мельком взглянул на меня любезными от старости глазами и тяжело, по человечески, как бы с я, вадухно, вроде хотел сказать: «Вот такой я стал, не суди меня строго».

Но жваотные разговоры на меня полюбившим от старости толпило в сказках. Из двери маслозавода выпорхнула вздвая, молодая еще женщина. Одета она была в фуфайку, на боусу ногу — кирзачи (дело было летом). Платок, как-то по-смешному, развевался на ее белокурой голове.

— О, — воскликнула она, — наступает, мастер поджарил сбрну на Гусаре. Несравненный так товко вывазан. Спасибо!

Я слабо усмехнулся. Разве этой веселой девчине дано знать, что мы годами работали на лошадях, гоняли их в ярное, бредили по коню-огню, но действительность подкидывала нам обычных лошадей, у которых не было крыльев, как у Париса, вычитенного поглане в книгах.

Девоче было, видимо, некогда. Она быстро уехала в янок, дрынула вожжи. Гусар, тяжело переступая большими ногами, затопал на большую дорогу от конюшницы. Откуда-то из вздвой появилась прогонимый кнут. Она огрела им коня, но тот не прореагировал на это. Послышалось грубое матерное ругательство из уст этой женщины.

Я не стал ничего говорить, тем более упрекать возницу. Все равно, наверное, не понял бы, да еще отыгрался бы на бедном Гусаре, последнем из лошадиных могикан далекой конюшни, которая тогда доживала, как и деревня, последние дни. Я отвернулся и шагнул прочь, что бы не показаться, что плачу.

Ах, вы, кони мои, кони, кони детства моего...

[Окончание следует]

Семен Новопащин ДАЛИ

← АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

7. В ШКОЛЕ

ШКОЛУ Я НЕ ЛЮБИЛ. Она приносила мне одни страдания.

Подробностей, когда пошел первый раз в первый класс, не помню.

Шел сентябрь 1942 года. Где-то далеко от Сибири грохотала война. Там сражались с врагом наши отцы и братья, старшие по возрасту. Так что было не до торжества.

К тому же для нас, сельских ребятишек, привыкших к труду, школа была той же работой, ее продолжением. Пришла тебе пора учиться, сел за парту. И трудись, занимайся.

ПЕРВАЯ УЧИТЕЛЬНИЦА. Ее запоминать навечно. Но я, увя, не вижу мысленно даже ее облика. Но знаю. Ее звали Надеждой Константиновной. Она учила нас, первоклашек, совсем недавно. Потом исчезла. Говорят, что покончила с собой из-за несчастной любви. А, возможно, и нет. Как бы то ни было, о дальнейшей судьбе ее не ведаю, не слышал.

Другая учительница, которая учила нас до четвертого класса—в Далевской

начальной школе, — Прасковья Ивановна Гризнова как будто сейчас стоит передо мной.

Уже тогда она была далеко не юна, беззамужняя. Всегда ходила в строгом темном костюме, почти никогда не улыбалась, была с нами недаскова, даже, по моему, излишне заа... И было, наверное, отчетливо. Училась-то мы тогда, в большинстве своем, неважно. Может, еще и потому, что и недоинация, недоодевали. И на уроках мечтали больше о том, чтобы где-то достать хотя бы корочку хлеба. А ведь кто-то и в те годы ел белый хлеб, да еще с маслом. Недаром говорят, кому война, кому мать родная.

...Любимым словом Прасковьи Ивановны, когда пацанва уж вконец выводиала ее из терпения, было слово «идиоты». К счастью, никто таким из нас не стал. Все выросли нормальными, работающими людьми, хотя, кажется, никто не взордал, не пошел далеко, не занял высокое кресло.

Но стоит ли осуждать Прасковью Ивановну за ее резкие выражения в наш

адрес, за раздражение? Она ходила на Дали из Загвадино за несколько километров. Путь неблизкий. Потом за четыре года, после окончания начальной школы на Далих, я собственными ногами измерила эту самую дорогу в грязь, распутицу, жестокие морозы и потому вполне сочувствую учительнице. Бывало, придет она. Руки, как у гусиной лапы, красные. Лицо такое же обветренное. А зазвасядается от холода и ветра. Встанет она, по-бабы, спиной к печке, отогреется, и уж потом начинаются занятия. Но всегда вовремя.

КРОМЕ ПРАСКОВЬИ ИВАНОВНЫ, на Далих тогда был еще один учитель—Бакушев Михаил Георгиевич из рода «горнищев». Из-за плохого зрения его не взяли в Армию, на фронт.

Так как Михаил Георгиевич жил в нашей деревне, то, видимо, потому его и назначили заведовать школой: все-таки рядом, есть догляд. Когда-то чему-то он учился, вернулся домой и стал преподавать. Его воспитанники по знаниям предметов не слишком отличались от тех, что давали учителя в наших деревенских, и потому с таким же успехом отсеивались из пятого класса (редко, добредая порой до шестого). Но особых претензий к нему от вышестоящего начальства не было, и он продолжал гнать брак, пока не емцлся с усть-инишского горизонта, уехал «под Омск» вместе со своей большой семьей.

Методы его обучения ана-

лизировать я не берусь, но Бакушев был крут на расправу с учениками. Ему ничего не стоило треснуть школьника указкой по голове или спустить его с лестницы. Жаловаться на Михаила Георгиевича родителям было небезопасно: еще добавят. А потому все ему сходило с рук. Может, кто и жаловался на распускающего руки педагога, но я не знаю, чтобы где-то, кто-то приезжал хотя бы приструнить его.

Была у него еще одна привычка: Как ее назвать? Забычивость или еще чего. Не знаю. Я рассказываю, а вы судите сами. Встречался со взрослыми, он засильно подергивал своим интеллигентным, говорил красноречиво, подкашивал к тому или другому случаю важные выражения. Но мы-то знали, зная он на уроке, в школе. Но родители... Иные даже хотели бы с ними породниться. Помню, когда мне было уже лет пятнадцать и я учился, кажется, не то в седьмом, не то уже в восьмом классе, моя отец и мать пригласили его к нам и устроили нечто вроде вечера. И договорившись, что он будет мой крестный, а я—его крестник, так как первого моего «второго» отца убил на фронте, а крестная уехала на Север, прихватив рублей 500 у матери и затерялась там.

Не знаю, какие уж слова я говорил в то время, но хорошо помню, что Михаил Георгиевич вручил мне на радостях, что можно в таком случае и выпить, пятнадцатикопеечный альбом с

частыми листами (ватманскими), где можно было рисовать. Но это так, как

Мы же, ученики тогдашней Далевской начальной школы, и не только наша братва, но и постарше, любили послушать исполняемые им частушки на вечерах (о которых будет дальнейшее повествование). Они были такие забавные, что даже взрослые дивались на, не говоря уже о нас, пацанах, специально собиравшихся, чтобы послушать этот бесплатный концерт замечательного учителя. А потом, утром, он как ни в чем не бывало шел в школу, чтобы учить нас разумному, вежному, светлему...

КАК НАС УЧИЛИ? С тех пор прошло почти полвека, и судить точно о качестве знаний, которые вкладывала в нас та же Прасковья Ивановна, уча одновременно два класса: по первому и третий, то второй и четвертый, сидящих тут же вместе. Таких школ в маленьких деревнях, по моему, и ныне немало. Тогда было обязательно начальное образование, и потому окончивших четыре класса никто силой не гнал в пятый. Но все-таки многие отцы в матери, видя, что проку от такого работника будет вестуго, пытались отграничить нашего брата в Загвадинскую семилетку.

Но будь мы, далевские ребятишки, или из других деревень, «принисанных» этой школе, из Гарей, Сун ли, приходя от таких Прасковий Ивановны, во

всех отношениях проигрывали по сравнению с загвадинскими, более подготовленными сверстниками. Оказывались более робкими, застенчивые, забитые, что ли. Людьми второго, а может, и третьего сорта.

Я вообще не могу успокоиться, когда какой-нибудь откровенный, но ловкий на язык москвич, приезжая куда-то в республиканский город, считает себя развитее и умнее, скажем, клеветливиша. А тот, в свою очередь, прикатив в Харьков, никак не может постанить себя ровнее с областным жителем. И так—по наклонной. Жители райцентра не хотят равняться с живущими хотя бы и на центральной усадьбе совхоза с его обитателями. Тот чувствует себя так же выше, приезжая в меньшее по величине село. Копаются, мол, какие-то в навозе, в земле. Люди называются... Увы, градация эта есть, и от нее нигде не деться.

Это унижение, обиды я испытываю в полной мере на собственной шкуре, и меня в противоположном направлении кто может разубедить. Хотя можно было бы считать, исходя в первую очередь, не из близости болтающего, а что он стоит. Не спорю. Да, в больших городах люди получают развитие большее, чем в малых селах и деревнях. Но это вовсе не значит, чтобы подчеркивать свое превосходство. А оно часто выходит боком. Презрением друг к другу с той и другой стороны.

(Продолжение следует).

Семен Новопашин ДАЛИ

★ АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

7. В ШКОЛЕ

(Начало в № 111, 113)

НО, ОДНАКО, вернемся в Загваздино тех лет. Были среди учителей и такие, которых мы не любили и боялись как огня. Среди них — директор школы — Александра Петровна Яковлева. Если она проходила по коридору школы, то самые даже неугомонные пацаны застывали в той же позе, в какой заставала их ее взгляд, всегда какой-то злой и как бы притворяющейся тебя к месту. Пришлось и мне столкнуться с нею, когда сболтнула лишнее о боге. Она так прочистила мозги, что не забыл до сих пор. Именно она из-за разбитого с Федькой стекла вытурнула нас на две недели из школы.

Были и такие преподаватели, над которыми покачивалась вся школа. После «правления» Александры-грозной директрисой была назначена Екатерина Андре-

евна Гензели. Она с сестрой, тоже, кажется, учительницей, жила в пристрое в школе, и им все было издобрости, приходи в класс, даже выкидывать пальто: дверь в дверь. Е. А. Гензель была уже тогда немолодая женщина, белокурая, с редкими кудряшками на голове. Одевалась она, в отличие от Александры Петровны, которая всегда любила черного поносив костюмы, довольно небрежно, как и те послевоенные годы все мы, веда с нами, учениками, зачастую себя попростуцили. Могла, например, прийти в класс чуть ли не в домашнем халате и, пообедав, с огромной вляхой-капелл сметаны на нем.

Как она веда уроки, ей богу, не помню.

САМОПРИМЕЧАТЕЛЬ-
СНОЙ чертой было то, что сестры Гензели держали козла. Шустрые деревенские

мальчишки живо сообразили, что надо делать. Они начали прикармливать его, а заодно и развивать козлиные отрицательные наклонности — бодаться.

Когда он был еще невелик, то удары его рогов были не слишком сильны. Но время шло, и малыш превратился в солидную скотину с прекрасно отточенным ударом, которым он легко сваливал самого рослого из нас. Но в добром здравии и настроении никогда не отказывался от угощений. Этим и добродушеством сорывался. Мы начали мало-помалу приучать его заходить в школу. В классе козел сам нашел путь.

Идет урок. Все тихо-гладко. Вдруг дружок вылезает дверь, и показывается козел. Вначале — морда, потом рога, борода. Покоя как не бывало. Кто-то зовет его, кто-то подает ему чашек — прихваченные из дома лепешки. Учитель в классе. Урок сорван. Пока Екатерина Андреевна старается вышвырнуть своего любимца из школы, посмотреть на этот бесцельный спектакль сбегаются почти все, кому не лень.

Мало того. Тот козел не только заглядывал в классы. Его перед урочком, на перемене, затаскивали, заманивали сами ученики.

Представьте себе такую картину. Учительница эта заходит в седьмой класс.

Все ее питомцы — кто где. На партах, на подоконниках стоят. А козел ходит по классу и пытается бодаться с каждым, кто его в этот момент поддразнит. Опять следуют угрозы директрисы, ее обращение к козлу выйти вон, на что тот реагировал обычно весьма слабо. Несколько молодцов покрепче в таком случае, ухватившись кто за грибок, кто за хвост, выволакивали отчаянно сопротивлявшегося строптивца. И так весь урок. Потом, к весне, козел куда-то пропал. Злые языки поговаривали, что сестры за какую-то провинность разрешили местным мужикам зарезать его и съесть.

По другим данным, он от какой-то занесенной ему обиды то ли утопился в Озере, то ли сбегал в лес...

Была тогда в Загваздино еще одна математичка, Аня Фесфановна (по мужу Яковлева), невысокого роста, плотная, белокурая, с приплюснутым носом, о котором говорят, что утиный. Она, видимо, предмет свой знала, но веда уроки уныло, больше обращала внимание на тех, кто успевае и не очень-то — на таких, как я, с запущенными знаниями еще из начальной школы. В итоге именно из-за математики я остался в пятом классе на второй год. Но, пожалуй, хватит об учителях из Загваздино.

(Окончание следует).

Семен Новопашин

ДАЛИ

♦ АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

7. В ШКОЛЕ

(Начало в № 111, 113, 114).
ЧУТЬ СКАЖУ О ПЕДА-
ГОГАХ из Усть-Ишим-
ской средней (о двух из
них уже было рассказано
выше). Мы, по крайней ме-
ре я, жили душа в душу с
преподавателем по истории
Василем Сергеевичем Уруб-
ковым, которого, к сожалени-
ю, рано «съел» рак же-
лудка. Он умер еще в
сравнительно молодом воз-
расте, кажется, сразу после
1953 года.

Хотел бы добрым словом
вспомнить скромнейшую
учительницу по физике Ни-
ну Ивановну Верещагину,
директора школы Дмитрия
Андреевича Степанова, че-
ловека высокого роста,
шумного, но, по-моему,
справедливого и честного,
завуча Владимира Влади-
мировича Безматерных, по
прозвищу «квадрат» (види-

мо, связанному по его име-
ни и отчеству).

Думаю, простит нас,
когда еще жива Бятта Фе-
доровна Вейнгарт, учитель-
ница по немецкому языку,
если мы что-то и не запо-
нили из ее уроков, не зани-
мались как следует. Увы,
он, этот немецкий, почти
никому из нас и не пона-
добился (разве что для
сдачи экзаменов в вуз). А
я потом и вовсе изменил
направление, избрав для
изучения в пединституте
английский. В итоге не
знаю ни того, ни другого.

И ВСЕ-ТАКИ ЕЩЕ ОБ
ОДНОМ из усть-ишим-
ских педагогов того време-
ни вспомнить хочется под-
робно, об Алексее Демьен-
цевиче (Дементиче, как мы
тогда звали) Кононовиче. Был он
тогда совсем молод, ходил с па-
лочкой, умел привлечь и

заинтересовать своим пред-
метом — географией — са-
мых даже ленивых, неохо-
жих до учебы школьников,
в том числе и нас, тогда
девятиклассников. Метод
его преподавания, а потом
и сами ответы школьников
на занятиях были весьма
самообразны. Он приходил
в класс, усаживался на
стул, брал журнал и, обве-
дя час глазами, ласково
спрашивал:

— Кто не готов к уроку,
знает на тройку или на
пять?

Мы переглядывались. Стра-
шно все-таки. Поди, спроси.
Ты, смеясь, говорил, ска-
жем, указывая на Юрку
Андреева, знаешь не боль-
ше, чем на тройку. Тот при-
нимался доказывать, что
он «стоит» больше.

— В таком случае, — го-
ворит Алексей Демьен-
цевич, — дай я расскажи (по-
кажи то, что задано на дом,
поработай с картой).

Юрка выходит, что-то
бубнит. Кононович просит
оставших ему помочь. В
итоге — действительно тройка
в дневнике.

— Я что, был не прав? —
вопросает Алексей Демьен-
цевич. — С ним никто не
спорит. О чем речь? Или,
назвав, кто и чего стоит и
как, по его мнению, выучил.
Дементич тут же, не спра-
шивая, ставил... оценки.
Это было необычно. Но ге-

ографию наш класс знал и
учил. Так как она давалась
мне легко, то обычно он на
четверки, да и на пятёрки
не скупился, даже и без
вызовов к доске.

Но как-то раз я все-таки
со своим дружкой, с кото-
рым мы сидели за одной,
предпоследней, партой, все-
таки здорово опростоволо-
чились.

Было это так.

Как и повсеместно, любая
мода быстро завоевывает
себе пространство. Нечто
подобное случилось и с иг-
рой «морской бой», кото-
рой в нашей школе тогда
весьма увлеклись. Не обо-
шло это поверье и нас. И
под под журчавший голо-
сок Дементича, объясняв-
шего какой-то новый мате-
риал, мы с приятелем рас-
чертили вырванные из тет-
радки листы в клеточку,
«посадили» на них извест-
ное количество кораблей и
прочих морских целей. Раз-
ложили боевые карты на
сиденье, свиннули на края
его и принялись за дело.
Нашлись болельщики-сосе-
ди, часть из которых была
убеждена, что победит мой
противник, другие — что
Новопашин.

Увлекательное занятие
было в самом разгаре. Еще
бы! Наловчившись, мой
враг явно топтал крейсер,
сбрасывая мины пряме-

хобью на него. Поневоле
заперничался.

Чья-то рука мягко опу-
стилась на мое плечо. Я ли-
хо сбросил ее, прибавив
еще крепленое словцо, в
карман за которым не лез
ни один из пацанов наших
Далей. Но, оказалось, все
кругом молчало. И это за-
ставило меня поднять гла-
за кверху: пропала он про-
падом, мой несчастный
крейсер. Не знаю, какое у
меня было лицо, когда мы
встретились взглядами с
Дементичем. Шуметь на
«моряков» он не стал, но
напротив наших фамилий
появились в журнале две
унылые двойки, которые мы
потом еще долго «отмыва-
ли». Думаю, поставлены
они были заслуженно, по-
тому что, когда на том же
уроке Дементич спросил и
того и другого, о чем же
он повествовал в течение
пол-урока, в ответ было
нечто нечленораздельное.

Да и что мы могли ска-
зать, если мой товарищ в
это время увлеченно топил
корабль, а я был в отчая-
нии от того. До урока, до
учителя ли было в тот мо-
мент. Но мстить было не
в характере А. Д. Кононо-
вича. В аттестате зрелости
у нас, у того и другого, ка-
жется, по этому предмету
все-таки красуются пятёрки.

Семен Новопашин ДАЛИ

→ АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

8. Где вы теперь, друзья-сдноклассники?

СЛУЧИЛОСЬ ТАК, что мне пришлось учиться в четырех школах: в двух средних, Дубровинской и Усть-Ишимской, в Далевской и в Загваздинской семилетней. В двух последних — по четыре года, в Усть-Ишиме — в девятом и десятом классах, в Дубровном — в восьмом. Поэтому разговор более детальный я и веду лишь о трех.

Что касается Дубровинской, то много ли узнаешь за год? Тем более, что долгое время я жил на отшибе, в д. Луговой. А занимались мы во вторую смену, если только не в третью. Идешь в школу — темнеет, возвращаешься — вообще ночь. Тем не менее хотел бы слова благодарности за

труды их вынести таким учителям, как Любови Хрисанфоновне, «физичке», Анде Федоровне, преподавателю русского языка и литературы (фамилии, простите, забыл: все-таки с тех пор прошло более 40 лет). Иногда память подсказывает и тех соучеников, с которыми занимался. Это Юра Телушкин, Любушка Червоусова, дружок Коля Бадуев, пустиловатый переселенец Витяка Глушков из Абаула, Фая — одноклассница, в которую я тогда успел влюбиться (чего не бывает, когда тебе шестнадцать лет) и позднее написал посвященные ей стихи.

О судьбе тогдашних моих товарищей по восьмому классу из Дубровного я

вообще ничего не знаю: связи с ними не держу. Была, правда, попытка найти Бадуева (Бадуева ли), но она окончилась неудачей. Но я не оставляю надежды когда-нибудь побывать в Дубровном и навести справки. Может, кто там и живет. Скажем, Юрка Телушкин из д. Араукул или Вася Лантев из с. Суры.

НЕМНОГО МОГУ сказать и о тех, с кем учился в Далевской начальной. Знаю, что Евланко (давно уже Евланпий Иванович) Максимов как-то попал в Ташкент. Говорят, что там окончил водотехнический институт, где-то работал, преподавал ли. Вернулся и живет в Омске. Но мое письмо к нему (адрес подсказал Петька Сестанин во время встречи с ним в июне 1990 года) так и осталось без ответа. Остальные? Они запечатлены на фото, переадресованном «выпуститесь» из четвертого класса. Это фото есть и в домашнем архиве. Возможно, со временем я еще узнаю о других, кто сидит там из фото, и напишу.

ЛИШЬ ПО РАССКАЗАМ знаю, как сложилась судьба моих товарищей по выпускному, седьмому классу тогдашней Загваздин-

ской школы. Правда, с некоторыми из них, живущими и теперь в этом селе, мы встречаемся во время моих редких наездов на родину. Я всегда рад, когда видимся с Гошей Загваздинным, разговор хватает на целые вечера. Он остался дома, был киномехаником, шофером. Сейчас, кажется, на пенсии. Тая, теперь уже давно Таисья Романовна (по мужу Юшкова) работает в местной участковой больнице, забот своих земляков, фельдшерница. Михаил Германов уехал в Молдавию вслед за женой-молдаванкой.

Некоторое время тому назад мы случайно встретились с Васей Рябковым. Помню его по школе. Это был сильный, уверенный в себе парень, который не побоялся встретиться и померяться силами на кулаках с Гошей Загваздинным, когда речь шла, кажется, о Тоне, землячке Васи из Абаула, симпатичной девочке, на которую неравнодушно поглядывали и загваздинские юные кавалеры из школы.

Но вместо духа, точнее пальцев, я увидел культю. Как объяснил мне Василий, он оборотился в Севере «по пальке». Хорошо, что, мол, сам не околел, вовремя спасли. Тогда еще я

столовых можно было купить водку или вино. Ловко подхватив ладонями стакан, Рябков опрокинул его в рот и пошутил, мол, «это я еще делать могу». Точно, тутно стало на душе от мукных «возможностей»: передо мной сидел полный, в сущности, инвалид, которого из-за совершенной им же глухоты придется до смерти кормить государству. Куда его денешь, когда человека остались от костей один лишь ладошки.

Выяснил, что мой враг Федька Грязнов и его сородич с той же фамилией Генка, Валюшка Петелина и другие из бывшего седьмого в Омске. Фомина Лия, закончив библиотечный техникум, а потом по этому же профилю и институт, работает (где?) по своей специальности — учительницей — Рая Царегородцева. Узнал я, что Яша Плесовских — в леспромхозе, в Малой Биче Усть-Ишимского района. Вася Грязнов, после окончания речного училища был направлен в Тобольск, работал там и на судах, и в речпорту. Но, заехав в этот город в июне 1990 года, там его уже не застал. Он то ли в Сургуте, то ли в Нижневартовске, по своей специальности. Хорошо бы знать обо всех. Может

быть, через столько лет и встретимся, но мы были не приучены к этому, жаждали поскорее уйти из школы, надеясь, что нигде и куда «не убежит». А ведь разбрелся по белу свету, попробуй найти кого-то.

ТЕПЕРЬ ОБ УСТЬ-ИШИМЦАХ в тех, с кем я учился, закончил десятилетку. Наиболее полные данные я все-таки получил, побывав в 1983 году летом в самом, вроде бы, подходящий момент. Исполнилось 30 лет с той поры, когда мы распрощались со школой. Это совпало с тем днем, памятным для выпускников школы-83. Приехал в школу с не совсем пустыми руками. У меня были записи пяти песен (на мои слова) на магнитофонной ленте, которые исполнил известный в Донске, где я тогда жил, ансамбль «Шахтерочка» под управлением Л. А. Архимандритовой и переданный по областному радио (и показанный по местному телевидению), а также стихи, включенные в этот концерт, которые я читал сам. Поэтому, кроме своего выступления, я предложил своим юным товарищам по школе послушать их.

(Продолжение следует).

Семен Новопашина

ДАЛИ

→ АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

8. Где вы теперь, друзья-одноклассники?

(Начало в № 117)

Б ОЛЬШОГО ТЕПЛА от этой встречи не испытал. Выпускники 1983 года, как кони, собравшись в уголках большого зала, переминались с ноги на ногу в ожидании танцев.

Но все-таки, по-моему, воспринял приход бывшего выпускника в их класс (в момент того дня, когда сами уходят из школы и тоже навсегда), видимо, с волнением, но все-таки, как мне показалось, — холодново. Поддержать меня было никому: никто из выпускников ни одного года так на этот праздник и не явился. Кроме меня, если уж говорить честно, случайно оказавшегося в это время в Усть-Ишиме, на тридцатилетнем юбилее нашего выпуска, никого не было, да и не могло быть, так как никто ни с кем об этом и не договаривался.

Основательно позабыв о своих товарищах по школе тех лет, попросил «Книгу записей аттестатов зрелости за 1953 год». Ее нашли. Выписал выпускников обоих

классов — звать ли не со фамилий, адреса, вместилища и откуда — родом. Но много ли толку от того, что скажем, Вася Филонов родился в с. Косарево, а Раа Малкина из Тилугино, а Тася Бобрусь из Дробышево? Последняя как раз о многом тогда и рассказала. Ее судьба обычна для сельской интеллигентки. Окончила школу, вуз (педагогический, конечно, заочно ди, каюсь, не знаю), приехала в Загваздино, стала работать в школе. Вышла замуж за местного парня, Ивана Юшкова. Да так не одно десятилетие там и живет.

Она-то и помогла мне обрисовать картину, кто и где из выпускников Усть-Ишимской средней школы 1953 года. Надо наперед сказать, что как 10 «А», так и 10 «Б», в основном, были сильны желанием знать больше, учиться дальше: слабые ученики из местных восьмилеток, по-моему, учились в Усть-Ишиме тогда и не помысливали.

Выясню с Тасей, прости-те, Анастасией Андреевной,

что многие парни из того и другого класса стали военными. Она называет фамилии такие знакомые и даже чутко родные, как Алексей Мамонтов, Василий Перминов, Александр Аксенов и Пархоменко, Иван Азалаков.

А я добавляю, что знаю. Геннадий Шадрин после школы сразу поступил в Уральский университет на факультет журналистики и после его окончания работал в Кузбассе, кажется, в районных газетах. Потом перебрался в Новосибирск, да так и осел в этой городе и в годы моей военной и студенческой молодости был редактором газеты управления гражданской авиации. Потом перешел в областное ведомство, где и работает по сей день, в отделе, кажется, сельского хозяйства. Человек деревенский, ему и карты в руки. Самое непосредственное отношение к селу имеет второй Геннадий, Копотылов, который также закончил вуз, но иного профиля — сельскохозяйственный, инженер — мелпатор.

С тем и с другим поддерживаю связь, обмениваясь к праздникам пестрыми мои открытками. В июне 1990 года я зашел к Копотылову. Меня встретил солидного вида мужчина с брюшком. Я едва узнал по внешним данным Генку, товарища по школе (он же учился в другом, параллельном классе 10 «Б», но тем не менее мы были друзьями). Правда, выдавало лицо. Такое же худощавое, с чуть выдвинутой челюстью и смешиные глаза. К сожалению, ничего из его рассказа о

жизни-работе за те 37 лет, которые мы не виделись, я не записал, да было как-то и неловко. А сейчас жалею иногда. Хороший бы сюжет получился. Мы с ним всегда и в школе были предельно открытыми. А вот третья нашего общего друга по Усть-Ишиму, Ленку Горевую, никак не раскопечу, чтобы он хоть что-то да написал. То ли мои письма-открытки не доходят до Новокузнецка, где он сейчас живет, то ли ленится сам написать, не пойму, не знаю.

А жаль и даже обидно становится иногда. Почему так невнимательны друг к другу мы, те, кто когда-то с кем-то учился, дружил? Даже нередко чуждаются родичи. Может, в такое время, неидеализованное время мы живем, когда нет ни сердечности, ни такта-памяти. Где-то работает, кажется, в ученом мире Валерий Ячменев, который окончил Томский университет. Где вы, Евгений Старовойтов и Юрий Колмаков. Василий Филмонов? Нет ответа...

Удачно, со стороны получения специальности или профессии, повезло и девчатам, выпускницам нашего года. По словам той же Анастасии Юшковой, Морозова Людмила, Копотылова Галина (тайная моя безответная школьная любовь) окончили Омский медицинский институт, Пешкина Варвара, Малых Валентина — медицинское, Галина Логвинс — лесотехнический техникум, Вера Мурыгина — Тобольский пединститут. (так же, как и Лариса Ларкина). Но разве что кроме двух, кто, где, не знаю.

Семен Новопашин ДАЛИ

← АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

9. Время их биографий

Так как я ничего не знаю о родителях, то буду говорить о приемных отце и матери. Откуда они вышли, из каких семей, как сложилась их жизнь. Это тоже представляет интерес, ибо время их биографий, в известной степени, скопало нашей с вами истории.

В НАЧАЛЕ О РОДОСЛОВНОЙ моей приемной матери — Ульяны Гордеевны Новопашин (в девичестве — Рыбьяковой). Пушкинское выражение «мы дельны и нелюбопытны» вполне подходит к истории семьи, о которой я вам поведаю. Откуда пришли вышли Рыбьяковы, ведут свой род, не ведаю. Знаю только одно. В д. Затон Ново-Деревенской волости (сегодняшняя существовала) Усть-Ишимского уезда (ныне района) жила Рыбьякова — Гордей Фирсович и Дарья Ивановна. Было это до революции. Крестьянствовали. Точнее, Г. Ф. Рыбьяков был ямщиком. А для этого надо было иметь отменных коней, что потом явилось и трагедией для этого семейства. И они у Гордея Фирсовича были.

Рассказы матери о своем отце скудны, отрывочны, и

потому я кратко перескажу, что оставило след в моей памяти. Был ее отец не робкого десятка и не раз встречался с опасностью. Раз было так. Едет он по зимней дороге. Выходит навстречу ему даже «бегалы». И говорит, «Отдаю, что вещь». Вроде недоставил Гордей Фирсович, попросил подойти их поближе. Отпустили они коня, что держали под узды, приблизилась к нему. Взял он того и другого за их заросшие головы и ступил. Так так, что у их и мозги перевертали. Потом еще долго ему блазило, все смывал а дороге их прособи. «Дяденька, убей нас, дяденька, добей нас, пока не осветят он сами да не вымыт их чисто-начисто».

Видимо, крепок духом был человек, если не побоялся сразиться один на один с двумя париками, как их называли тогда в Сибири, этих сельдых. Ведь среди них не все были революционеры. Ихних было за что, наверное, отпирать и тогда на каторгу.

Дарью Ивановну я застал уже дряхлой старушкой,

она жила у своего сына, Григория Гордеевича в Затоне. Так как разговор об этом человеке еще впереди, то не буду и я забегать...

Гражданскую войну мать вспоминать не любила: она унесла у нее отца, сноху и еще женика, который, по ее словам, погиб в Покровских лагерях.

КАК ЭТО БЫЛО? В те годы, как каждый из нас помнит, были белые и красные. Боевые действия и на территории Усть-Ишимского уезда велись с переменным успехом. Сегодня скажем, Затон захватывают красные, завтра — белые. И все они дружно претят подлоды. Не знать — в рожу, а то и в стенку: время было сумбурное. А у ямщика, как являло, дошады — одно загаденье. Как не взят?

Как-то вера временно одержали красные. Завалили в плен белых и стали думать, где их разместить. Нашли, что лучше всего — в доме ямщика. Об этом в свое время писалось в районной газете «Огни Иртыша» в 1989 году. Но даже автор заметок ничего не сообщает.

А было так. В числе взятых в плен оказалась и жена офицера-беляка. Она сумела вырваться и рассказать своим, в чьем доме их содержали. Когда белые выбили красных, то те схватили хозяйна дома — Гордея Фирсовича и еще одного его однопольщанина и привязали к изгороди. Тот, второй, сумел снять путы и хотел было освободить и Рыбьякова, но он не пожелал. Мол, я уже старик, побегу

— захажу, и тебя схватят. И остался. Его и еще сноху Дарью увели-увели за р. Ишим (а не его жену, тоже Дарью, тут автор ошибся) и, понадевавшись вволю (у Дарьи, по словам матери, вырезали даже груди), расстреляли. Иных заталкивали в яму даже живыми, и общая могила для два-три ходила, мол, ходуну. Потом все стихло. Люди задохнулись и умерли.

Жаль, что до сих пор все эти рассказы «ходят» на уровне байки и никто не поинтересовался, где же конкретно могила. И, может быть, стоит поставить памятник жертвам-страдальцам.

Но одной смертью белые не удовлетворились. Они еще сожгли и дом Рыбьяковых.

— В это время, — рассказывала мама, — мы были в Рыковой (деревне на горе вдали от Затона) и видели, как пламя охватило наш дом. Понимаешь, сердцаши почували, что родное горит. Хорошо, что сами вовремя убежали, а то бы и нам не сподобать...

У Г. Ф. и Д. И. Рыбьяковых было несколько детей. Мать называла их Павел, Иван, Марьяна, Григорий и она (может быть, кого-то упустила). Первых двух я не знаю совсем. Как они жили? Чем занимались? Вероятнее всего, тоже хлебопашествовали. Но они оставили после себя наследников, сыновей и дочерей. Но получилось так, что я о них знаю довольно плохо и поэтому говорить не буду, равно, как о их детях, моих сверстниках.

(Продолжение следует).

Семен Новопашин

→ АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

9. Время их биографии

(Начало в № 119)

Большая Грешин ЧИПЧ ЧИ О. Бюла Артемулю Гордеевичу, их семьи и потомству основанность на них поподорожью. О ком вначале? Момент жизни Григория Гордеевича? Тем более, что я уже чуть-чуть узнаю, а не?

После гражданской войны он поселился в том же Затоне, выстроил дом. Каделце, женился на деуэчине по имени Маргарита. Их жизнь и у них не задается. Пришла семья, Семени, они расстались. Отца его не любил, и как только он вырос, сразу же нашав повод, сварила повариха повариху в Кузбасс, на шахты. Мать Григория Гордеевича, моя бабушка Мария Ивановна, была даже ярче, так же, как и ее бабушка, которая вывук, да и перешло и ей, защитнице.

Она не раб поезде потом пошла в Артемулю Гордеевича, когда мы с матерью ночью раз заселись в дом дяди Гриши, как и его жена.

Григорий Гордеевич Рыбков — участник Великой Отечественной войны, поменявал он очень медленно, в Артемулю Гордеевича, поговаривали, что он сам арба подставлял себе. Но в Артемулю Гордеевича, сам он никогда, что он сам о своих боевых зинах не говорил, и поговаривали, что он сам арба подставлял себе. Но в Артемулю Гордеевича, сам он никогда, что он сам о своих боевых зинах не говорил, и поговаривали, что он сам арба подставлял себе.

После гражданской войны он поселился в том же Затоне, выстроил дом. Каделце, женился на деуэчине по имени Маргарита. Их жизнь и у них не задается. Пришла семья, Семени, они расстались. Отца его не любил, и как только он вырос, сразу же нашав повод, сварила повариха повариху в Кузбасс, на шахты. Мать Григория Гордеевича, моя бабушка Мария Ивановна, была даже ярче, так же, как и ее бабушка, которая вывук, да и перешло и ей, защитнице.

После гражданской войны он поселился в том же Затоне, выстроил дом. Каделце, женился на деуэчине по имени Маргарита. Их жизнь и у них не задается. Пришла семья, Семени, они расстались. Отца его не любил, и как только он вырос, сразу же нашав повод, сварила повариха повариху в Кузбасс, на шахты. Мать Григория Гордеевича, моя бабушка Мария Ивановна, была даже ярче, так же, как и ее бабушка, которая вывук, да и перешло и ей, защитнице.

После гражданской войны он поселился в том же Затоне, выстроил дом. Каделце, женился на деуэчине по имени Маргарита. Их жизнь и у них не задается. Пришла семья, Семени, они расстались. Отца его не любил, и как только он вырос, сразу же нашав повод, сварила повариха повариху в Кузбасс, на шахты. Мать Григория Гордеевича, моя бабушка Мария Ивановна, была даже ярче, так же, как и ее бабушка, которая вывук, да и перешло и ей, защитнице.

этом момент по принципу, что есть в пень, все на стои, как и отдала, как и отдала.

Я в этом доме был самым желанным духом тетеньки Марии. Она была всегда рядом, и она была всегда, чем-нибудь, вкусным, мы участвовали распробовать обо всем. А это пошло, как и отдала, как и отдала.

Я в этом доме был самым желанным духом тетеньки Марии. Она была всегда рядом, и она была всегда, чем-нибудь, вкусным, мы участвовали распробовать обо всем. А это пошло, как и отдала, как и отдала.

Я в этом доме был самым желанным духом тетеньки Марии. Она была всегда рядом, и она была всегда, чем-нибудь, вкусным, мы участвовали распробовать обо всем. А это пошло, как и отдала, как и отдала.

Я в этом доме был самым желанным духом тетеньки Марии. Она была всегда рядом, и она была всегда, чем-нибудь, вкусным, мы участвовали распробовать обо всем. А это пошло, как и отдала, как и отдала.

Я в этом доме был самым желанным духом тетеньки Марии. Она была всегда рядом, и она была всегда, чем-нибудь, вкусным, мы участвовали распробовать обо всем. А это пошло, как и отдала, как и отдала.

Я в этом доме был самым желанным духом тетеньки Марии. Она была всегда рядом, и она была всегда, чем-нибудь, вкусным, мы участвовали распробовать обо всем. А это пошло, как и отдала, как и отдала.

Я в этом доме был самым желанным духом тетеньки Марии. Она была всегда рядом, и она была всегда, чем-нибудь, вкусным, мы участвовали распробовать обо всем. А это пошло, как и отдала, как и отдала.

Я в этом доме был самым желанным духом тетеньки Марии. Она была всегда рядом, и она была всегда, чем-нибудь, вкусным, мы участвовали распробовать обо всем. А это пошло, как и отдала, как и отдала.

Я в этом доме был самым желанным духом тетеньки Марии. Она была всегда рядом, и она была всегда, чем-нибудь, вкусным, мы участвовали распробовать обо всем. А это пошло, как и отдала, как и отдала.

Я в этом доме был самым желанным духом тетеньки Марии. Она была всегда рядом, и она была всегда, чем-нибудь, вкусным, мы участвовали распробовать обо всем. А это пошло, как и отдала, как и отдала.

Я в этом доме был самым желанным духом тетеньки Марии. Она была всегда рядом, и она была всегда, чем-нибудь, вкусным, мы участвовали распробовать обо всем. А это пошло, как и отдала, как и отдала.

Я в этом доме был самым желанным духом тетеньки Марии. Она была всегда рядом, и она была всегда, чем-нибудь, вкусным, мы участвовали распробовать обо всем. А это пошло, как и отдала, как и отдала.

Я в этом доме был самым желанным духом тетеньки Марии. Она была всегда рядом, и она была всегда, чем-нибудь, вкусным, мы участвовали распробовать обо всем. А это пошло, как и отдала, как и отдала.

Я в этом доме был самым желанным духом тетеньки Марии. Она была всегда рядом, и она была всегда, чем-нибудь, вкусным, мы участвовали распробовать обо всем. А это пошло, как и отдала, как и отдала.

хиталась за свой. Зоркий глаз караминал мне пошею, как и отдала, как и отдала.

хиталась за свой. Зоркий глаз караминал мне пошею, как и отдала, как и отдала.

хиталась за свой. Зоркий глаз караминал мне пошею, как и отдала, как и отдала.

хиталась за свой. Зоркий глаз караминал мне пошею, как и отдала, как и отдала.

хиталась за свой. Зоркий глаз караминал мне пошею, как и отдала, как и отдала.

хиталась за свой. Зоркий глаз караминал мне пошею, как и отдала, как и отдала.

хиталась за свой. Зоркий глаз караминал мне пошею, как и отдала, как и отдала.

хиталась за свой. Зоркий глаз караминал мне пошею, как и отдала, как и отдала.

хиталась за свой. Зоркий глаз караминал мне пошею, как и отдала, как и отдала.

хиталась за свой. Зоркий глаз караминал мне пошею, как и отдала, как и отдала.

хиталась за свой. Зоркий глаз караминал мне пошею, как и отдала, как и отдала.

хиталась за свой. Зоркий глаз караминал мне пошею, как и отдала, как и отдала.

хиталась за свой. Зоркий глаз караминал мне пошею, как и отдала, как и отдала.

хиталась за свой. Зоркий глаз караминал мне пошею, как и отдала, как и отдала.

хиталась за свой. Зоркий глаз караминал мне пошею, как и отдала, как и отдала.

хиталась за свой. Зоркий глаз караминал мне пошею, как и отдала, как и отдала.

Семена Новопашина

ДАЛИ

→ АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

10. Выжига

МНОГИМ, ОСОБЕННО городским детям, будет, наверное, интересно узнать, как мы, мальчишки и девчонки теперь уже таких далеких лет, отделяющих от нашего времени более чем полувеком, отдыхали, как и во что играли.

Рассказывать обо всем не берусь. Многие памяти не сохраняю. Но все-таки попытаюсь.

Все наши тогдашние игры так или иначе «привязаны» к временам года — весне, лету, осени и зиме. Исключением составляли лишь прыжки, которые не зависели от капризов погоды. Еще играли в лапту — с ранней весны до глубокой осени, до тех пор, пока не пойдет дождь. А вот о волейболе, футболе, баскетболе и других современных играх мы только слышали, считая это привилегией городов, да и мячей в наше село тогда не завозили. Почти все, что нужно было для игры, для казания с

горой, было сделано. Сани и лыжи, мотыльки, полевые игры, выжиги огни. А уж крепление, чаще всего веревочки, привязывали сами.

Случилось так, что мне довелось жить и на юге, а сейчас вот на севере. В детстве, краях и, сибиряк по роду и рождению, как-то не особенно замечал смены времен года. Зимой на лыжах не покатаешься: скользко и грязь, весной — ветер, летом — жара. На Севере такое короткое лето, а весна и осень с гудящим нос. Снег падает почти мгновенно. А когда наступает лето, бывает, что не емизешь футболки, или море — гудит. Конечно, дети есть тени, находят и время и место, где поиграть.

В НАШЕЙ ЖЕ МЕСТНОСТИ, средней сибирской стороне, в Усть-Ишимском районе Омской области, зима как зима. Точно то же можно было бы сказать и о других временах года. Хотя комаров, паутов, мошки тоже хватает, а морозы бы-

вают, как на Севере, под минус пятьдесят градусов, а то и пониже.

Весна у нас бывает медленная, затяжная. Как мы ждем тепла. И вот все чаще улыбается солнышко. И ребяташки с удовольствием отыскивают прогретые солнцем места, которые вытаяли, подошли, и можно на них играть. Во что? Девчонкам подавай скакалку, пугу, а нам, мальчишкам, — бабки и биты, которые достаем из разных чуланов и других мест, которых хватает в деревенском дому.

Играли мы в это время лесной на лыжи. *Лыжной* метлой обычно бывало; затертые родинки, *лыжники* — это тоже *лыжники* (скакалки). Если метель стала на кон двенадцатичасовую, она считалась закатным, а мотыль уж попользаться, то вообще богачом. Чаще всего игра в те же денежки заключалась в том, что, увидя клочок высушенной земли гд-нибудь у строе и я, один бросал денежку, чтобы она ударилась о дерево и упала на землю. Второй старелся сделать то же самое, но с желанием, дабы его вытек оказался на растоянии четверти, от большого до указательного пальца. Если же достигался, то диву соперника забирал себе. Нет, она переходила в руки другого.

В ЛАПТУ НАЧИНАЛИ на Далих играть, когда уже становилось теплей и появлялся мурок, мелкая травка. Обычно мы «резали» под горой у Маневки или просто на средние

улицы. Благо машин тогда почти не было и они не мешали на ней грязь. Играть приходили даже взрослые — молодежь и мужики. Потом, позднее, сражались в эту игру, в большинстве своем, ребята.

Любили мы весной покатасться и на качелях, на столбе. В последнем случае делалось это так. В надежном столб вбивался крепкий железный штырь, и на него надевалось колесо, обычно от пуга. На колесо привязывались веревки с пестями на концах. Спущенные от колеса долу они и представляли качели. Столб уста и в диваны, дети садились в эти самые ветли, и наиболее сильные, взяв в руки лапки, начинали раскручивать колесо с веревками и сидками. Летить, бывало, и даже страшно становилось. Иной раз веревки рвались, и мы улетали метров на пятьдесят и подальше. Но я не помню, чтобы, крепко ударившись о землю, кто-то птавал игрушки — не ругались.

Ближе к лету эти развлечения как-то сходили на нет. Начинались другие, не менее интересные и увлекательные. «Шарик», «выжига», городки, чижик («счита-брикоты») и другие. Так как игры в «чижик» и в городки известны и об этом можно все-таки прочитать в специальной литературе, где описываются они, то кратко остановлюсь на том, что, может быть, не всем знакомо.

(Продолжение следует).